

СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Рубан Лариса Семеновна – доктор социологических наук, профессор, руководитель Отдела исследования проблем международного сотрудничества ИСПИ ФНИСЦ РАН. Москва, Россия, e mail: Lruban@yandex.ru

Аннотация. В статье автором анализируется состояние социального здоровья населения России в современный период, причем сам процесс социального здоровья рассматривается как один из факторов обеспечения безопасности в обществе. Для успешного формирования и развития социального здоровья необходимы стабильность общества и эффективное функционирование социальных институтов, которые обязаны гарантировать социальную защищенность граждан. Однако в нашей стране начиная с переходного периода и по настоящий момент мы видим, что социальные институты не справляются с данными задачами, что приводит к фрустрации и депривации значительных слоев населения, дезинтеграции ценностей, социальной дезорганизации и возникновению различного рода девиаций.

Ключевые слова: социальное здоровье населения, социальные институты, anomia, synnomy, процесс социализации, обеспечение безопасности общества, девиантное поведение, отклонение и норма.

SOCIAL HEALTH OF THE POPULATION AS A FACTOR OF RUSSIA'S SECURITY

Larissa S. Ruban, PhD in Sociology, Professor, Head of the Department for Researches of the Problems in International Cooperation, Institute of social and political research of the Federal research sociological center of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e mail: Lruban@yandex.ru

Abstract. In the article the author analyzes the state of social health of the population of Russia in the modern period, and the process of social health is considered as one of the factors of security in society. The successful formation and development of social health requires the stability of society and the effective functioning of social institutions, which are obliged to guarantee the social protection of citizens. However, in our country, from the transition period to the present, we see that social institutions do not cope with these tasks, which leads to frustration and deprivation of large segments of the population, the disintegration of values, social disorganization and the emergence of various kinds of deviations.

Keywords: social health of the population, social institutions, anomie, synnomy, socialization process, ensuring public safety, deviant behavior, deviation and norm.

Цитирование: Рубан Л.С. Социальное здоровье населения как фактор безопасности России // Наука. Культура. Общество. 2019. № 3 4. С. 50 57.

Говоря о социальном здоровье населения России, следует отметить, что это качественное состояние наиболее эффективно формируется в обществе в условиях стабильности и социальной защищенности, а именно: в благоприятных и комфортных для социальных индивидов условиях. Для его достижения, упрочения и развития необходимо преодолеть со-

циальную дезориентацию и иные неблагоприятные процессы, протекающие в нашей стране и приводящие к **А Н О М И И**, то есть дезинтеграции ценностей, социальной дезорганизации и возникновению различного рода девиаций. И здесь главная задача заключается в том, чтобы перейти к процессу, ведущему к социальной сплоченности общества, консенсусу

ценностей и к общим нормам, то есть к **СИННОМИИ** [1, с. 189].

При решении этой задачи велика и незаменима роль социальных институтов, и в первую очередь, семьи, где и начинается социализация индивидов. В семье идет кристаллизация основных черт будущего поведения, самоощущения и мировосприятия индивидов: старшие передают детям свои взгляды, образцы поведения и установки, от родителей дети получают пример участия или уклонения от активного образа жизни, первые рациональные и эмоциональные оценки, то есть в семье происходит непосредственная социализация.

Атмосфера в семье формирует основные черты личности: способность к согласованным действиям, умение обсуждать вопросы, не совпадающие с собственной позицией, проявление или отсутствие агрессивных тенденций [2, с. 53].

Однако ряд зарубежных исследователей отрицает определяющую роль семьи в развитии социальных индивидов. Например, Дж. Колеман, при анализе процесса социализации молодежи придавал большое значение «реег групп» и указывал, что в «реег групп» складывается собственная субкультура, отличная от общепринятой в обществе [3, с. 156]. Сходную позицию занимали американский психолог и врач Д. Аусубель и израильский социолог С. Эйзенштадт [4, с. 330; 5, с. 300].

С концепцией Дж. Колемана о взаимоотношениях поколений сходна концепция М. Мид, которая раскрывается в книге «Культура и мир детства». В частности, Маргарет Мид характеризует отношения между представителями старшего и младшего поколений следующим образом: «Совсем недавно старшие могли го-

ворить младшим (для подтверждения своей правоты и большей доказательности, используя как веский аргумент): «Послушай, я был молодым, а ты никогда не был старым». Но сегодня молодые могут им ответить, используя контраргумент: «Ты никогда не был молодым в мире, где молод, я, и никогда им не будешь» [6, с. 360].

В структурно-функциональной теории Т. Парсонса молодой человек представлен как «marginal man», то есть аутсайдер общества, который ищет прибежища у «реегс». Толкотт Парсонс и Роберт Мертон, подчеркивая маргинальный статус молодежи, указывали, что в малых группах неизбежно наличие молодежной субкультуры и специфических для молодежи форм поведения, которые характеризуются как маргинальные [7, сс. 58–59].

Само же понятие «маргинальный человек» было введено в социологию в 1928 г. Р. Парком, который использовал этот термин для объяснения расовых проблем. Термин «маргинальная личность» происходит от латинского «марго» – край. Это понятие в западной социологии употребляется для выделения и анализа специфических, противопоставленных общественно нормальным, отношений «социальный субъект – социальная общность». По Парку, «маргинальный человек» находится на границе различных социальных групп, живет одновременно в двух различных мирах и в обоих в той или иной степени является чужаком и чувствует себя некомфортно. Вследствие своего специфического положения на социальной периферии «маргинальный человек» обладает особыми признаками. Он психологически нестабилен, беспокоен, испытывает чувство неловкости [8, с. 175]. Таким образом, формируются

социальные и культурные гибриды, и тут не может быть и речи о социальном здоровье населения.

Для развития социального здоровья в обществе должны эффективно работать все социальные институты. Однако в нашей стране в период масштабного реформирования в постсоветский период роль этих институтов была нарушена, а ведь в обмен на делегированные им часть прав и свобод, они должны были освобождать граждан от проявления беспорядочной активности, постоянного перенапряжения сознания от беспрестанного принятия решений. Тем самым, предоставляя человеку готовые образцы и рецепты действий в типичных обстоятельствах, социальные институты должны придавать внутренней жизни человека устойчивость, стабильность, давать социальному индивиду уверенность в себе, препятствовать неразумному расходованию сил в ежедневной борьбе за выживание, помогать людям строить совместную жизнь в обществе на цивилизованных началах [9, с. 77], то есть обеспечивать условия для упрочения социального здоровья населения.

Таким образом, социальные институты не только должны удовлетворять определенные потребности и интересы людей, но и формировать эти потребности и обуславливать интересы, тем самым, формируя и развивая социальное здоровье населения.

Обобщая изложенный материал, можно сделать следующий вывод, что резкая имущественная дифференциация препятствует реализации принципа равных возможностей социальных индивидов, приводит к деградации и социальной изоляции незащищенных слоев населения.

В итоге ресоциализация значительной части российских граждан происходит в условиях фрустрации и депривации.

Многие отечественные и зарубежные исследователи отмечают, что при возникновении и развитии конфликтной и конфронтационной ситуаций фрустрационные и депривационные процессы могут быть источником массовых психопатогенных явлений, так как конфронтационная ситуация является самым высоким проявлением эмоционального напряжения и психической активности, которое может, в свою очередь, перерасти в коллективный психоз [10, с. 175]. Это опять-таки нарушает социальное здоровье населения.

Преодолеть процессы фрустрации и депривации, протекающих в России, важно не само по себе, а для:

1) формирования у населения устойчивых форм реагирования на фрустрационную ситуацию;

2) развитие фрустрационной толерантности (устойчивости к фрустраторам) на основе адекватной оценки фрустрационной ситуации и предвидения выхода из нее;

3) предотвращения агрессивных действий (в том числе аутоагрессии – суицида), на основе адекватной интерпретации намерений окружающих.

Все это будет способствовать укреплению социального здоровья населения, для которого необходима безусловная реализация главных жизненных потребностей и, в первую очередь, потребности в безопасности.

Мы рассмотрим, как она реализуется в настоящий момент в нашей стране, каков ее уровень, и удовлетворено ли население степенью существующей безопасности? Автором акцентировано внимание на оценке

данной проблемы школьниками, так как дети и подростки являются наряду с пожилыми люди самой незащищенной и наиболее уязвимой категорией граждан. Анализ результатов

опросов учащихся школ за период с 1998 по 2016 гг. показывает, что уровень безопасности в стране оценивался молодежью главным образом негативно (см. таблицу 1).

Таблица 1 [11, с. 141]

Оценка уровня безопасности в стране

Города/годы	Безопасности нет, уровень нулевой	очень низок	средний	высокий
Астрахань				
1996		81	9	6
1998		80		5
2001		72	14	5
2005	9	44		29
2008	3	31	20	32
2011	8	44	29	11
2016	5	19	35	32
Барнаул,				
2009	9	34	29	19
2017	3	26	37	26
Грозный				
2002	50	38		
2005	16	50	21	
Иваново				
2005	17	42		26
Краснодар				
2001	4	58	14	14
Майкоп				
1999	2	64	17	7
Махачкала				
2002	8	42	25	15
Москва				
1998	20	57	17	2
2001	11	58	18	3
2007	15	56	3	18
2011		48	35	6
2016	2	24	40	32
Назрань				
2001	14	57	7	21
2002	53	26	5	14
2005	13	42	21	8
Нальчик				
2002	3	7	40	10
Псков				
1998		92		
Ставрополь				
2002	12	46	20	8

Следует отметить, что на протяжении всего периода проведения нашего исследования в 12 регионах России среди опрошенных школьников в личной безопасности были уверены лишь немногие (см. таблицу 2). Кроме того, данные, полученные

в ходе проведенных нами опросов, показывают, что в годы трансформации политического, экономического и социального строя в нашей стране было не только затруднено удовлетворение целого ряда первых жизненных потребностей,

но и была нарушена сама их иерархия. При реализации потребности в самосохранении социальных индивидов, многие ее компоненты, а именно: потребность в устойчивости, безопасности, свободе от страха и напряжения, в структуре, организации и протекции, в принадлежности, в признании и престиже, в самореализации и другие наруша-

лись, или их осуществление было затруднено.

Произошло обесценивание самой человеческой жизни. В непосредственной связи с девальвацией ценностей, связанных с понятием долга и одобрения существующего порядка находится утрата доверия населения к государству и недовольство институтами политико-административной сферы.

Таблица 2 [11, с. 142]

Обеспеченность личной безопасности

Города/годы	Личная безопасность обеспечена			
	полностью	частично	не обеспечена	не ответили
Астрахань				
1996	3	15	77	5
1998	5	9	74	13
2001	8	12	73	7
2005	20	1	76	3
2008	37	16	43	4
2011	37		57	6
2016	49 – в той или иной мере обеспечена		49	2
Барнаул				
2009	30	12	57	1
2017	46 – в той или иной мере обеспечена		52	2
Грозный				
2002			100	
2005			97	3
Иваново	20		80	
2005				
Краснодар				
2001	8	6	81	5
Майкоп				
1999/2000	14	13	71	2
Махачкала				
2002	13	18	61	8
Москва				
1998	12	13	74	1
2001	19	9	68	4
2007	13	10	77	
2011	17		73	10
2016	47 – в той или иной мере обеспечена		53	
Назрань,				
2001	14	7	79	
2002	2	2	67	29
2005	13	4	58	25
Нальчик				
2002	10	12	75	3
Псков				
1998	6	15	79	
Ставрополь				
2002	13	3	68	16

Возможно, исходя из того, что государство недостаточно выполняет свою функцию по обеспечению безопасности населения, это приводит к выработке у индивидов чувства незащищенности и социального дискомфорта. В качестве ответной реакции у молодых людей формируется установка на несоблюдение правовых норм данного государства и предрасположенность к противоправным поступкам и действиям. Кроме того, ряд телевизионных передач как игровых, так и документальных могут быть квалифицированы как пропагандирующие насилие и вызывающие национальную неприязнь [11, с. 149].

Социологические опросы школьной молодежи, проводимые нами с 1990 г., показывают, что при недостаточной сформированности у молодых людей правовой культуры и принципов законопослушания, **установку на неисполнение закона** имеют от 31 до 81% в разных регионах, из них:

– **нетвердую** – от 6 до 36% опрошенных школьников, которые отвечали, что в зависимости от обстоятельств закон можно обойти; исполнять его необязательно, если он, по их мнению, приносит вред или несправедлив, также исполнение или неисполнение закона, по мнению учащихся, находится в зависимости от меры ответственности за нарушение;

– **твердую установку на закононепослушание** имеют от 17 до 75%;

– **установку на однозначное выполнение закона** имеют от 13 до 55% (при любых обстоятельствах, даже если он, по их мнению, несправедлив или устарел, мотивируя это таким образом: «закон нужно исполнять всегда, обязательно, мы же живем в цивилизованном обществе» (см. таблицу 3).

В идеале социальные институты должны формировать нормативные установки и образцы социальной деятельности для индивидов, указывая границы социально допустимого и недозволенного, тем самым, с одной стороны, ограничивая свободу действий индивидов, определяя их поведение, не укладывающееся в общепринятые нормы как отклоняющееся, девиантное и прибегая при необходимости к принуждению для его пресечения, то есть к частичному ограничению свободы, что является частью любого институализированного общежития.

С другой стороны, социальные институты не только ограничивают свободу индивида, но и должны служить обеспечению и гарантии самой этой свободы. Наибольшую устойчивость нормы, ценности и представления, декларируемые социальными институтами, приобретают тогда, когда через интериоризацию становятся убеждениями, частью психической структуры человека, утрачивая при этом внешний, принудительный характер. В свою очередь, государственно-правовой порядок должен защищать и обеспечивать реализацию личной свободы граждан, так как высшей точкой угнетения является пренебрежение элементарными правами человека [11, с. 156].

Выполняя свои функции, общество через свои институты должно способствовать созданию комфортной среды пребывания в нем социальных индивидов. Не случайно 19 июля 2011 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию под названием «Счастье: целостный подход к развитию», согласно которой уровень счастья является важным показателем развития страны. В основе рассчитываемого с 2006 г. Международного

индекса счастья (Happy Planet Index) лежат субъективная удовлетворенность жизнью, ожидаемая продолжительность последней и экологическая составляющая. Россия находится по показателям этого индекса примерно в середине общего списка [12].

Когда социальный индивид не удовлетворен действительностью и испытывает социальный дискомфорт, когда игнорируются или не удовлетворяются его первые жизненные потребности, а социальные институты не выполняют или недо-

статочно четко выполняют функции по защите своих граждан, когда нарушается правовое регулирование общественной жизни и его морально-правовое обоснование, в обществе складывается конфликтная ситуация [11, с. 133].

Главная задача общества заключается в формировании личности, устойчивой к воздействию неблагоприятных жизненных факторов; формирование самоконтроля для сдерживания агрессивных реакций и развития процесса эмпатии.

Таблица 3 [11, с. 151]

Уровень законопослушания школьников

Города/ годы опросов	Установка на неисполнение закона			Установка на исполнение закона
	всего	твердая	в зависимости от обстоятельств	
Астрахань				
1998	58	22	36	34
2001	32	18	15	36
2005	58	37	21	44
2008	35	25	10	56
2011	50	40	10	38
2016	64	60	4	30
Барнаул				
2009	48	34	14	43
2017	33	24	9	57
Грозный				
2002	50	33	17	33
2005	81	75	6	13
Иваново				
2005	45	24	21	42
Краснодар				
2001	41	26	15	42
Майкоп				
1999	51	24	27	47
Махачкала				
2002	40	19	21	54
Москва				
1998	54	24	33	38
2001	61	36	25	35
2007	59	43	16	28
2011	46	29	17	47
2016	38	28	10	50
Назрань				
2001	54	25	29	39
2002	49	47	2	47
2005	54	25	29	33
Нальчик				
2002	31	17	14	55
Псков				
1998	39	22	17	52
Ставрополь				
2002	49	32	17	40

Библиографический список

1. Криминология. – М.: Норма, 1995. – 912 с.
2. Рубан Л.С. Развитие конфликта-консенсуса в полиэтничных регионах (социологический анализ-прогноз). Дис. ... докт. социол. наук. – М.: МПГУ, 1997. – 327 с.
3. Coleman J.S. The Adolescent – society. Glenwe. 1962.
4. Ausubel D.P. Das Jugenalter: Fakten, Problemme, Theorie. Munich, 1968.
5. Eisenstadt S.N. Von Generation zu Generation. Munich, 1966.
6. Мид М. Культура и мир детства. М: Наука, 1988. – 429 с.
7. Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии // В сб. «Социология сегодня. Проблемы и перспективы». Под ред. Парсонса Т. Москва: Прогресс, 1965. – С. 25–67.
8. Современная западная социология. Словарь. М.: Политиздат, 1990. – 432 с.
9. Рубан Л.С. Развитие конфликта-консенсуса в полиэтничных регионах (социологический анализ-прогноз). М.: ВНИИ МВД, 1998. – 250 с.
10. Элементы социологии политики. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1991. – С. 175.
11. Рубан Л.С. Формирование гражданского сознания школьной молодежи в полиэтничных регионах. М.: Academia, 2019. – 239 с.
12. Российское общество и вызовы времени / под редакцией Горшкова М.К. (рук. проекта) и Петухова В.В. – М.: ИС РАН, 2015. – 336 с.